

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1981

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

А. А. Искендеров.	В. П. Волгин и задачи изучения истории социалистических идей	3	
В. Л. Мальков.	В. И. Ленин и Ю. Дебс	17	
В. А. Смирнова.	Критика Ф. Энгельсом взглядов П. Ж. Прудона и его борьба с прудонизмом в международном рабочем движении	30	
А. Э. Штекли.	Энгельс и издание «Истории социализма в отдельных очерках» (1895)	61	
Н. Г. Федоровский.	Парижская Коммуна и трансформация лассальянства	87	
В. В. Галкин.	Джон Фрэнсис Брей	106	
Н. А. Ерофеев.	Промышленная революция в Англии и идея классов	134	
К. М. Андерсон.	«Беседы» Роберта Саути	159	
Э. И. Валлич.	Представления Чарлза Холла о современном ему и совершенном обществе	178	
Т. А. Павлова.	Социальные воззрения Томаса Чебба	191	
В. В. Карева.	Н. Гедвиль и его роль в распространении утопическо-коммунистических представлений во Франции	206	
Л. Л. Альбина.	Вольтер — читатель Мабли	233	
Л. С. Чиколини.	Социальные мотивы в творчестве Джованни Баттисты Джелли	240	
В. Ф. Мордвинцев.	Рождение легенды о «добром дикаре»	256	
		публикации	
О. Б. Воробьева, Я. Г. Рокитянский.	Записи Вильгельма Вейтлинга о встрече с Марксом осенью 1849 г.	273	
Вильгельм Вейтлинг.	Воспоминания о пребывании в Лондоне, записаны 13 января (1850 г.)	280	
		Примечания	281

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Ноябрьским вечером 1817 г. к поэту Монтесиносу, погруженному в размышления, явилось привидение. «Я пришел не для того, чтобы открыть тайну или сокрытый клад. — поведало оно, — но побеседовать о сих необычных и чудовищных временах, поелику вам, как и мне, выпала участь жить в дни одного из великих потрясений мира»¹. Необычный гость оказался духом Томаса Мора.

Так начинается роман Роберта Саути «Томас Мор, или Беседы о развитии и перспективах общества», вышедший в 1829 г. Несмотря на оттенок мистицизма, роман Саути не относится к готическому жанру, столь модному в те времена. Он принадлежит к произведениям, которые в начале прошлого века были не менее многочисленными и не менее распространенными, — к проектам решения социальных проблем.

Промышленный переворот привел к глубочайшим изменениям в жизни Британии². Вытеснение ручного труда машинным, обнищание огромного числа ремесленников, разорение мелкого фермерства, безудержный рост городов, где скапливались массы обездоленного и потому беспокойного населения, и наряду с этим процветание промышленности, превращение Британии в богатейшую и могущественнейшую державу своего времени. Изобилие богатства и изобилие нищеты — этот парадокс, пожалуй, был той осью, вокруг которой вращалась общественная мысль Англии начала XIX в.

Парадокс был настолько очевиден, что его существование признавали практически все без исключения мыслители и политики, независимо от их партийных привязанностей. Но каковы последствия парадокса, как решить его и можно ли решить вообще? Ответы появлялись в таком множестве, что «Таймс» не без иронии замечала: «Страна кипит знахарями, которые предла-

Southey R. Sir Thomas More: or, Colloquies on the Progress and Prospects of Society. Vol. 1, 2. L., 1829; vol. 1, p. 18 (2-е изд. вышло в 1831 г.). Промышленной революции посвящено множество специальных исследований. Поэтому мы позволим себе не останавливаться подробно на этом вопросе.

гают самые различные рецепты»³. Некоторые проекты, к примеру оуэновский, увлекли десятки тысяч людей, другие не нашли сторонников.

Работа Р. Саути, содержащая его предложения, осталась, по существу, незамеченной современниками и позднейшими исследователями⁴. Тем не менее эта книга заслуживает внимания. Она в известной мере характеризует настроения интеллектуалов Британии, близких к тори.

Кроме того, произведение Саути позволяет, хотя бы отчасти, проследить сложный процесс взаимопроникновения и противоборства различных течений общественной мысли Англии начала XIX в. К примеру, оуэнизм испытал воздействие рикардизма и в свою очередь повлиял на теории кооператоров и тред-юнионистов. Это влияние изучено достаточно полно. Гораздо меньше исследовано влияние социалистических воззрений на взгляды представителей имущих классов. Между тем оно было. Возможно, гибкость английских правящих классов состояла и в том, что отдельные идеи, распространенные среди трудящихся, они ставили себе на службу, предварительно изменяя и перерабатывая их. На наш взгляд, книга Саути дает некоторый материал для изучения этого вопроса.

Попытаемся проследить предысторию появления и выявить главные черты программы Р. Саути, изложенной в романе «Томас Мор...»

* * *

Саути работал над книгой будучи уже немолодым, добившимся известности человеком, обладателем титула поэта-лауреата, что равнозначно придворному поэту. Может быть, потому роман «Томас Мор» не только рассуждение об обществе, но и размышление Саути над своим прошлым. «В молодости мы стремимся к некоему благу, призрачному, а возможно, и недостижимому»⁵, — говорит один из героев книги, поэт Монтесинос, в котором Саути изобразил самого себя.

Как и у многих его современников, юношеские мечтания Саути зародились под влиянием Великой французской революции. Сын крупного бристольского торговца, Саути в 1794 г. поступил в Оксфорд, где познакомился с С. Кольриджем. Их сблизила общность взглядов, прежде всего преклонение перед революционной Францией. Поэмы Саути, «стойкого республиканца», по выражению Кольриджа, написанные в 1793—1794 гг. («Жанна д'Арк» и «Уот Тайлер»), прославляли революцию и осуждали

социальную несправедливость. Но словесное осуждение казалось Саути недостаточным. В 1794 г. Саути и Кольридж замыслили переселиться в Америку и основать там общину на принципах «пантисократии» и «асфетеризма». Эти слова были придуманы Кольриджем⁶ и означали, писал Саути: «первое... одипаковое для всех правление, а второе — обобществление частной собственности»⁷.

«Американский план», по признанию Кольриджа, зародился под непосредственным влиянием идей У. Годвина, с которым пантисократы были знакомы и состояли в переписке⁸. Создание общины было не самоцелью, а средством нравственного совершенствования. «Главная идея пантисократии, — писал Кольридж Саути в октябре 1794 г., — сделать человека неизбежно добродетельным, устранив все причины порока»⁹.

План основания общины без частной собственности занимал Саути более года, но так и не был осуществлен. Отчасти помешали финансовые трудности, но главное — Саути значительно изменил замысел общины, фактически отрекся от начального проекта. Кольридж, сочтя Саути изменником, написал ему в ноябре 1795 г.: «Вы потеряны для меня, потому что потеряны для добродетели... Ваши личные средства должны были остаться вашей личной собственностью, и все должно было быть частным, за исключением фермы в 5—6 акров. Короче говоря, мы должны были стать партнерами по небольшой ферме. Это и есть та мышь, которой наконец благополучно разродилась гора пантисократии»¹⁰.

После краха «американского плана» Саути постепенно превращается в крайнего тори, увлекается религиозным мистицизмом. Подобной перемены не простили ему многие. В 1817 г. без ведома Саути был впервые опубликован его «Уот Тайлер»¹¹. Саути-якобинец был противопоставлен Саути-тори. Крайне неприглядный портрет Саути нарисовал Байрон, некогда ему симпатизировавший. «Он прославлял царевубийство и восхвалял всех царей, ратовал за повсеместное торжество республик, а затем злобно нападал на республику, он некогда кричал о пантисократии, а потом перерос в ярого антиякобинца, он менял свои обличья и мог бы сменить даже кожу»¹², — писал Байрон.

Было бы чересчур упрощенно видеть в Саути некое подобие хамелеона. Судьба его воззрений не исключение, а скорее образчик эволюции, которую претерпели взгляды многих англичан,

⁶ Coleridge S. Selected Writings. Vicking Press. N. Y., 1977, p. 231.

⁷ Цит. по: Морган А. Л. Английская утопия. М., 1956, с. 149.

⁸ Coleridge S. Op. cit., p. 236.

⁹ Ibid., p. 238.

¹⁰ Ibid., p. 248.

¹¹ Книга была напечатана в типографии У. Бенбоу, впоследствии видного чартиста, по инициативе Ричарда Карлейля.

¹² Byron G. G. Selected Poetry and Prose of Byron. N. Y., 1966, p. 163.

³ Times, 1833, 21 Sept.

⁴ Из немногочисленных биографий Р. Саути определенный интерес представляют: Haller W. The Early Life of Southey. N. Y., 1917; Dowden E. Southey. L., 1909.

⁵ Southey R. Op. cit., vol. 1, p. 246.

современников Французской революции. Разочарование в ее итогах, страх перед собственным народом пробудили у многих представителей имущих классов, поначалу приветствовавших революцию, боязнь революций, кардинальных перемен вообще. Тот же Кольридж отрекся от пантисократии четырьмя годами позже Саути. В журнале «Френд» Кольридж писал, вспоминая «американский план»: «План столь же безобидный, сколь и экстравагантный, он принес пользу в том смысле, что увел меня и, быть может, некоторых других с пути мятежа»¹³.

Был ли согласен с ним Саути? Навсегда ли избавился он от прежних убеждений? На первый взгляд некоторые факты позволяют в этом усомниться. Например, отношение Саути к Роберту Оуэну. В 1816 г. Саути вошел в Комитет по рассмотрению оуэновского плана. Приблизительно в то же время Саути писал своему брату о встрече с Оуэном: «Он в точности такой же пантисократ, каким был я в дни моей молодости. Если бы мы встретились двадцать лет назад, эта встреча могла бы существеннейшим образом повлиять и на его и на мою жизнь»¹⁴. А в романе «Томас Мор» он прямо заявил, что восхищается Оуэном, как одним из тех немногих людей, «которые в этом поколении дали импульс нравственному миру»¹⁵, чем привел в негодование Маколей, рецензировавшего книгу Саути¹⁶.

Кроме того, Саути, пожалуй, первым из современных ему английских авторов обратился к Томасу Морю. Разумеется, творчество Мора он рассматривал не как ученый-исследователь, тем не менее высказался об «Утопии» вполне определенно. «Сочинение это,— писал Саути,— небольшое, но оно ввело в наш язык слово, значение которого понятно тысячам и десяткам тысяч тех, кто никогда и не читал произведения, из которого оно взято»¹⁷. Саути даже заявляет о близости своих убеждений к идеям Мора. «Беседуя с вами,— говорит Саути словами своего героя,— я чувствую себя учеником, внимающим учителю, к которому опитаю полное доверие»¹⁸. Более того, дух Мора является именно к Саути, поскольку якобы испытывает к нему симпатию и видит свое с ним сходство¹⁹.

Можно ли из восхваления Оуэна и преклонения перед Мором заключить, что Саути по-прежнему разделял привязанность к тому направлению мысли, начало которому положил Мор? Ответить однозначно на этот вопрос невозможно.

Вполне вероятно, что отзыв Саути об Оуэне был чистосердечным, но нельзя забывать, что и в конце 1820-х годов Оуэн оста-

вался известным или, если уместно подобное сравнение, модным в высшем свете филантропом. Среди благожелателей Оуэна, даже тех, кто раскошеливался на его проекты, многие никогда не разделяли его социалистических воззрений и осуждали некоторые его иные взгляды.

О своем сходстве с Мором Саути говорил, несомненно, тоже вполне искренне. Вопрос в том, каким виделся ему Мор? Представления Саути о Море не были оригинальными. Он следовал устоявшейся трактовке Мора как мученика церкви²⁰. «Я отдал свою жизнь за религиозные принципы» — эти слова Мор неоднократно произносит в книге²¹. Мор, по Саути, преимущественно религиозный деятель, причем, подчеркивал Саути, деятель поры серьезных потрясений христианства — периода Реформации.

Сообразно с таким представлением о Море Саути оценивает его литературное наследие. «Утопия», хотя и удостоена похвал, занимает в книге гораздо менее важное место, чем поздние работы Мора: «Мольба душ», «Опровержение ответа Тинделла» и «Диалог об утешении», посвященные в основном проблемам Реформации.

Другой не менее важной стороной жизни Мора Саути считал его занятия поэзией. «Вы вспоминали ваши стихи с большим удовлетворением, нежели ваши противоречивые сочинения», — говорит Монтеспинос, подразумевая под «противоречивыми сочинениями» главным образом «Утопию», о чем свидетельствует примечание²².

Говоря о Море, Саути не только весьма произвольно толковал факты, но зачастую прибегал и к откровенным домыслам. Так, его Мор примирился с Лютером и даже свел с ним дружбу²³. В целом Мор изображен настолько предвзято, что, пожалуй, во многом прав был Маколей, утверждая, что беседуют не Саути с Мором, а Саути с самим собой²⁴. Не будем, однако, забывать, что эта книга не научное исследование, а роман, и поэтому автор мог, не особенно строго придерживаясь фактов, дать свободу своему воображению. Возможно, для историка, изучающего Мора, концепция Саути не заслуживает внимания. Но для нас портрет Мора, нарисованный в «Беседах», интересен тем, что именно в таком Море видел свое отражение Саути.

Но почему Саути, страстный защитник англиканства, обратился к католику Морю, причем в разгар борьбы вокруг эмансипации католиков? Ведь были в истории Англии поэты-протестанты, ревнители англиканства и гонители еретиков?

Некоторую роль, вероятно, сыграл мистицизм Саути, его страсти ко всякого рода знамениям, а в биографиях Мора и

¹³ Friend, 1809, Jun.

¹⁴ Haller W. Op. cit., p. 166.

¹⁵ Southey R. Op. cit., vol. 1, p. 132.

¹⁶ Macaulay T. B. Southey's Colloquies on Society. Literary Essays. L., 1905, p. 377.

¹⁷ Southey R. Op. cit., vol. 1, p. 124.

¹⁸ Ibid., p. 52.

¹⁹ Ibid., p. 18.

²⁰ Осинковский И. Н. Томас Мор: Утопический коммунизм, гуманизм, реформация. М., 1978, с. 15.

²¹ Southey R. Op. cit., vol. 1, p. 44, 87.

²² Ibid., vol. 2, p. 395.

²³ Ibid., p. 37.

²⁴ Macaulay T. B. Op. cit., p. 380.

Саути есть некоторое внешнее сходство. Оба жили на рубеже веков, в дни серьезных изменений в мире, даты их рождений разделяют почти ровно 300 лет (Мор — 1477 г., Саути — 1774 г.), оба учились в Оксфорде, в молодости и у Мора, и у Саути было намерение припать духовный сан. Наконец, с точки зрения Саути, общим могло быть и пережитое стремление к «недостигаемому» и занятия поэзией. Не виделось ли Саути в этом некое предзнаменование? И, может быть, не случайно беседы ведутся в 1817 г., т. е. в год, почти совпадающий с 300-летием публикации «Утопии»? Разумеется, это всего лишь предположение, хотя, на наш взгляд, и небезосновательное.

Несомненно, были и иные мотивы выбора героя книги. В конце 1820-х годов среди англиканских церковников, обеспокоенных кризисом своей церкви, зарождается так называемое оксфордское движение, проповедовавшее соединение англиканской догматики с католической обрядностью. Сторонники «высокой церкви», как иначе называли оксфордцев, в большинстве своем принадлежали к правым торп. Окончательно движение оформилось в 1833 г., однако, на наш взгляд, Саути может быть причислен к его предтечам. Подробнее на этом вопросе мы остановимся позднее. Пока же отметим, что упоминавшееся в книге Саути примирение Мора с Лютером вполне отвечает духу «высокой церкви».

«Утопия» почти не представлена в романе, но Мор в инстансии ее автора играет важную роль, выступая оппонентом Р. Оуэна. Саути, как и некоторые его современники, видел в Оуэне преемника Мора. Мор Саути должен был не столько фактами, сколько авторитетом своего имени доказать, что Оуэн погряз в заблуждениях, главнейшее из которых — атеизм. «Долой подобные системы, — заявляет Мор у Саути, — по законам божьим, вера должна быть основой политики, и если человеческие законы строятся не на этом фундаменте, то следуют заблуждения и беды»²⁵. Кроме того, Оуэн проповедует общность имущества, а по утверждению Саути, ее пагубность доказана и опытом и теорией²⁶.

Намного ближе к пониманию идеала Утопии, считал Саути, были иезуиты, основатели знаменитых редукций в Парагвае²⁷. Их замысел — борьба с нравственным злом — совпадал с предначертаниями «Утопии»²⁸. Они допустили ошибку, стараясь «приручить и одомашнить дикарей, а не приобщить их к цивилизации», по все же, по мнению Саути, их редукции — единственная в истории, хотя и несовершенная Утопия²⁹. Таким образом,

Утопия достижима не посредством оуэновских общин, а скорее через редукции, которые П. Лафарг назвал «очень остроумной и прибыльной смесью крепостничества и рабства»³⁰.

Мы уделили столько внимания вопросу об отношении Саути к Морю и Оуэну, поскольку, нам кажется, это позволяет прояснить мотивы написания работы и позицию ее автора.

Позиция Саути на первый взгляд кажется необъяснимо странной. С одной стороны, Саути переиначивает учение Мора, опровергает оуэновский план. С другой — преклоняется перед Мором и Оуэном. Лицемерие? Нам представляется, что суть этого противоречия в следующем. Когда Кольриджа, как и Саути, обвиняли в ренегатстве, он отвечал, что остался верен принципам³¹. Судя по отдельным высказываниям в романе «Томас Мор», то же самое можно сказать и о Саути. Какие же принципы позволяют восхвалять ревнителя христианства Мора и безбожника Оуэна, объединять столь разных, с точки зрения Саути, людей? Ответ дает сам Саути в разделе, посвященном иезуитам. Они пытались воплотить мечту Мора — победить нравственные пороки! Но не об этом ли мечтал пантисократ Саути? Не об этом ли заботился Оуэн, давший, по словам Саути, импульс нравственному миру? Желание искоренить пороки и есть то общее, что в глазах Саути сближало его и с Оуэном и с Мором. Цель несколько абстрактная, но именно ее абстрактность и позволяла Саути изображать себя единомышленником Мора и Оуэна. Однако при малейшей конкретизации этой цели и уточнении пути ее достижения от общности с Мором и Оуэном не оставалось и следа. Отсюда весьма вольное обращение Саути с наследием Мора, утверждение, что план Оуэна принесет пользу обществу, правда, если его переделать³². Исправление оуэновского плана, а точнее, противопоставление ему иного, не атеистического и не социалистического плана, было, на наш взгляд, одной из задач Саути. Его книга представляется не только откликом на социальные бедствия, но и откликом на учение Оуэна.

Книга Саути несколько отличается от большинства социальных трактатов той поры обилием всевозможной символики. Многозначителен эпиграф, взятый Саути из Писания к Галатам апостола Павла: «Неужели я сделался врагом вашим, говоря вам истину». Действие романа происходит в нетронутым промышленной революцией Кумберленде, озерном крае, давшем название «озерной школе» поэтов, к которой принадлежали Уордсворт, Кольридж и Саути. Собеседником Мора выступает поэт Монтесинос. Это имя Саути, неплохо знавший историю Испании, избрал, вероятно, подразумевая Антонио Монтесиноса, современника Мора, доминиканского монаха, выступавшего в защиту ин-

²⁵ *Southey R. Op. cit.*, vol. 1, p. 134.

²⁶ *Ibid.*, p. 140.

²⁷ Подробнее см.: Григулевич И. Р. Крест и меч. М., 1977, с. 166—190; Альперович М. С. Революция и диктатура в Парагвае. М., 1975, с. 46—53.

²⁸ *Southey R. Op. cit.*, vol. 1, p. 110.

²⁹ *Ibid.*, p. 140.

³⁰ Лафарг П. Поселения иезуитов в Парагвае. — В кн.: Из истории общественных течений. СПб., 1906. т. 2, с. 357.

³¹ *Coleridge S. Op. cit.*, p. 30.

³² *Southey R. Op. cit.*, vol. 1, p. 141.

дейцев от зверств конкистадоров. Не совсем обычна для того времени и форма книги — диалог. Конечно, не все рассуждения о политике преподносились тогда в сухой, научной манере. Достаточно назвать «Сельские поездки» Коббетта, вышедшие одновременно с романом Саути. Но примечательно, что Саути прибегает именно к несколько архаичному жанру диалога, которым часто пользовался Мор.

Итак, с одной стороны, островок старой, не задетой фабричной системой Англии, собеседники, вызванные из прошлого, а с другой — размышления о сегодняшних днях Британии. Этот контраст не просто литературный прием, а проявление духа всей книги Саути.

Беседы в сочинении Саути ведутся на самые разнообразные, не связанные между собой сюжеты: от бумажных денег до призраков и пользы нюхательного табака. Переводя разговор своих собеседников, иногда непоследовательно, с темы на тему, Саути, видимо, стремился придать диалогам большую живость, непринужденность. Мы не будем следовать за Саути, а рассмотрим лишь те страницы книги, которые дадут нам как можно более полное представление о его воззрениях.

Основой романа являются сюжеты, связанные с фабричной системой. Это вполне понятно, ибо не было в те годы вопроса более насущного. Подобно многим современникам, Саути видел в наступлении машинного производства рождение иной эпохи. «Был введен новый принцип, *povum organum*, самый могущественный из всех, которыми когда-либо обладал человек. Отныне миром правит пар, и он еще будет сотрясать его, прежде чем установит свое господство», — предвещает Саути³³.

Что является собой сей *povum organum*? Благо или зло? Лишь дважды на протяжении всей книги Саути говорит об этом предмете нечто положительное. «Без нее (фабричной системы. — К. А.) наша нация не смогла бы выстоять в длительном и ужасном столкновении, избавившем Европу от худшего из всех зол — ига военного деспотизма», — признает он³⁴. Пар принес Британии победу, сделал ее могущественной, но для Саути обратная сторона этого могущества перечеркивает все его выгоды. Отрицательные последствия оказываются гораздо весомее положительных.

В начале прошлого века даже апологеты фабричной системы признавали за ней некоторые негативные свойства. Д. Рикардо, видевший в машинах благо, допускал, что «замена человеческого труда машиной часто приносит большой ущерб интересам рабочего класса»³⁵. Положение народа было наиболее зримым и тревожным следствием машинного производства. Но многие

идеологи буржуазии, в частности Д. Рикардо и Т. Маколей, полагали, что это временные, преходящие неудобства. Иного мнения были оуэнисты и часть радикалов, предсказывавшие еще большие бедствия. Саути явно склоняется ко второму мнению.

Фабричная система, утверждает он, привела к тому, что «положение самого многочисленного класса общества значительно ухудшилось»³⁶. Это ухудшение проявляется главным образом в росте «избыточного населения». Фабрики, пишет Саути, «дают занятие значительной части нашего огромного и быстро растущего населения. Но сей вид занятия имеет тенденцию ускорять его рост настолько, что после того, как фабричная система удовлетворит свой огромный спрос на здоровье и жизни людей, остается большой избыток населения»³⁷. В результате многие ремесленники и рабочие не могут прокормить ни себя, ни свои семьи³⁸.

Разорение мелкой буржуазии и фермерства тоже увеличивает избыточное население. «При этой системе, — пишет Саути, — исчезают мелкие лавочники, как исчезли мелкие фермеры, когда промышленные принципы стали в большом размере проникать в сельское хозяйство»³⁹. К столь же губительным последствиям фабричной системы относит Саути широкое применение детского и женского труда.

Саути ограничивается в основном этими переменами в жизни народа. Описание бедствий трудящихся у Саути гораздо поверхностней, чем у многих его современников. Однако некоторые из его наблюдений крайне интересны. «Разорившийся фермер, — говорит Саути, — может проложить себе путь в промышленность. Но из тех, кто проводит свое несчастное детство в качестве детали машины на хлопчаткацкой фабрике, вероятно, лишь один из тысячи хорошим поведением и благодаря счастливому случаю добьется запятого делом, которое обеспечит ему respectable положение, и лишь один из миряды сам станет хозяином-фабрикантом и положит начало семье, которая займет место среди денежной аристократии страны»⁴⁰.

Саути верно подмечает безысходность, лишение надежд на будущее, перед которыми оказалось большинство народа по вине фабричной системы. Надо заметить, что для того времени подобная идея редкость. В ходу были пафосные легенды о людях из низов, своими силами пробившихся к высотам жизни. Но действительность медленно разрушала эти иллюзии, происходила ломка психологии рабочего, который еще несколько десятилетий назад мог рассчитывать со временем стать хозяином. Теперь же ему суждено оставаться в услужении у других. К такому выводу приходили и сами трудящиеся. Генри Маккормак, видный ирландский оуэнист, писал в опубликованной в 1830 г. книге «Слова мудрости»: «В современном обществе у рабочего

³³ Ibid., p. 198.

³⁴ Ibid., p. 158.

³⁵ Рикардо Д. Начала политической экономии. — Собр. соч. СПб., 1908, т. 1, с. 265.

³⁶ Southey R. Op. cit., vol. 1, p. 59.

³⁷ Ibid., p. 177.

³⁸ Ibid., vol. 2, p. 260.

³⁹ Ibid., p. 176.

⁴⁰ Ibid., p. 250.

человека есть лишь один шанс из 70 тыс. достичь независимости или хотя бы обеспеченной зависимости»⁴¹. Маккормак доказывал, что рабочему не на что надеяться при существующем строе, и призывал последовать плану Оуэна — полностью переустроить все общество.

Саути превосходно сознавал, какая угроза исходит от отчаявшихся людей, число которых росло день ото дня.

Опасность, по мнению Саути, становится все более реальной, поскольку обнищание одних сопровождается обогащением других. «Люди могут быть слишком богатыми», — пишет он, — потому что коммерческая и в особенности фабричная системы имеют тенденцию скорее скапливать богатство, чем распределять его... Крупные капиталисты превращаются как бы в щук в пруду, пожирающих более слабую рыбу. Слишком очевидно, что бедность одной части народа в той же степени увеличивает богатство другой»⁴². Богатство, скопленное в руках немногих, считает Саути, не идет на пользу обществу. Он даже заявляет, что «национальное богатство полезно лишь в том случае, если оно равномерно распределяется»⁴³.

Саути, следовательно, обнаруживает тот самый парадокс «нищета — богатство», о котором столько говорилось в те годы. Точка зрения Саути как будто близка к оуэнистской. Саути не только сочувствует обездоленным и не верит, что фабричная система в конце концов переменит их участь к лучшему, но даже высказывает пожелание о равномерном распределении богатства. Более того, Саути пишет о фабрикантах в выражениях, напоминающих манеру Коббетта, не жалевшего злых эпитетов в адрес «лордов станков». Оуэн, в отличие от Саути, проявлял в их отношении большую сдержанность. И самое главное, Саути, как и Оуэн, понимает, что за этим парадоксом скрыто противостояние имущих и неимущих, исход которого трудно предсказать.

Поляризация нищеты и богатства для Саути лишь одно из последствий фабричной системы, сказывающихся непосредственно на людях. Саути тревожит и ее пагубное воздействие на нравственность. «Духу предпринимательства, — сетует Саути, — было позволено выйти из границ благоразумия»⁴⁴. В погоне за барышом «каждый человек угнетает своего соседа или борется за то, чтобы угнетать его»⁴⁵. Любовь к ближнему полностью вытеснена поклонением Маммоне и себялюбием. «Пока нажива, — пишет Саути, — главная цель устремлений, эгоизм неизбежно будет довлеющим чувством. И нельзя скрыть, что именно она — принцип нашей социальной системы, чудовищно противный духу христианства»⁴⁶.

Мысли Саути о нравственном падении общества во многом созвучны идеям Оуэна, который утверждал, что в современном ему мире царит дух разобщенности и противоборства⁴⁷. Но если Оуэн имел в виду прежде всего нравственную деградацию трудящихся, поставленных фабричной системой в нечеловеческие условия, то Саути ведет речь о нравственном облике их хозяев. Эти люди, заявляет Саути, бесчестны, они наживают свои состояния «на скрытом или явном рабстве здесь и за рубежом, на крови и поте черных рабов, работающих из-под кнута, на телесной и духовной деградации тех, кто, будучи белым по облику и свободным по рождению, тем не менее находится в подлинно рабском состоянии»⁴⁸.

Подобно Оуэну, Саути обрушивается на тех политэкономов, которые «открыли, что причина всех ... трудностей в человеческой природе, и советуют умирить голодом пчел, дабы они не размножались»⁴⁹. Корень зла не в людях, а в фабричной системе. «Что можно сказать о системе, — пишет Саути, — прямым следствием которой является унижение всякого, вовлеченного в нее, системе, беспрестанно утруждающей людей занятиями, вредными для тела и пагубными для ума, системе, в которой средства настолько дурны, что достижение любой цели обходится слишком дорого, ценой такой нищеты и деградации человека, ценой такого ужасающего конца, что наихудшие бедствия, которые до сих пор терпело общество, кажутся пустяком»⁵⁰. Прежние времена, заключает Саути, были гуманнее⁵¹.

Осуждение фабричной системы как бесчеловечной и губительной, которое мы находим у Саути, встречается в работах многих радикалов, например Коббетта, и конечно в трудах Оуэна и его последователей. Однако критика этой системы у Саути и Оуэна при всей схожести имеет весьма существенные различия.

«Единственно паровой двигатель... породил все бедствия, которые наше промышленное население испытывало и, видимо, будет испытывать вновь и вновь», — пишет Саути⁵². Оуэн говорит об этом иначе: «Машины, которые могут быть величайшим благодеянием для человечества (курсив наш. — К. А.), являются при существующей системе ее величайшим проклятием»⁵³. Понятие «фабричная система» Саути сводит к машинам, которые были, есть и неизбежно будут проклятием. Для Оуэна «фабричная система» означает не сами машины, а социальную систему, превратившую их в инструмент угнетения. Оуэновская концепция приводила к мысли о необходимости изменения социальной системы. Концепция Саути — к борьбе с машинами, но не с существующим

⁴¹ *Maccormac H. Words of Wisdom. Armagh, 1830, p. 11.*

⁴² *Southey R. Op. cit., vol. 1, p. 193.*

⁴³ *Ibid., vol. 2, p. 253.*

⁴⁴ *Ibid., vol. 1, p. 193.*

⁴⁵ *Ibid., vol. 2, p. 246.*

⁴⁶ *Ibid., p. 249.*

⁴⁷ *Оуэн Р. Доклад графству Лэнарк. — Избр. соч., М., 1950, т. 1, с. 267.*

⁴⁸ *Southey R. Op. cit., vol. 1, p. 168.* Эта мысль Саути полностью совпадает с мнением У. Коббетта. См.: *Cobbett W. Rural Rides. N. Y., 1977, p. 118.*

⁴⁹ *Southey R. Op. cit., vol. 2, p. 260.*

⁵⁰ *Ibid., vol. 1, p. 170.*

⁵¹ *Ibid., p. 75.*

⁵² *Ibid., vol. 2, p. 243.*

⁵³ *Оуэн Р. Речь в таверне лондонского Сити. — Избр. соч., т. 1, с. 161.*

строю. Там, где кончается критика фабричной системы, рассуждения Саути, которые до сих пор шли приблизительно тем же путем, что и оуэновские, принимают иное направление. Саути заботит то, как предотвратить грозящую, по его мнению, революцию.

Пожалуй, среди настроений, влиявших на умы англичан 20-х годов прошлого века, одним из распространенных было предчувствие какого-то потрясения. Приближение кризиса проповедовал Оуэн, радикалы предупреждали о брожении в стране. Разделяя это предчувствие и Роберт Саути. «Не может быть прочным тот порядок вещей, при котором увеличение богатства немногих влечет увеличение нищеты многих», — предостерегает он⁵⁴.

Надвигающийся катаклизм, считал Саути, проявляется в кризисном состоянии англиканской церкви. Главная для нее опасность исходит от атеизма, влияние которого возрастает из-за развития печати. «Вряд ли сыщется место, — говорит Саути, — где бы мнения, враждебные установленной церкви и самому христианству, не доставлялись бы к камину паба каким-нибудь провинциальным журналом, официально предназначенным служить политической группе, но на самом деле преследующим иную цель»⁵⁵. Другая опасность — католики и диссентеры, завоевывающие «приверженцев в густонаселенных частях страны, таких, как большие города и промышленные районы»⁵⁶. Авторитет и влияние англиканства падают, а следовательно, по мнению Саути, разрушается правящая основа гражданского общества — религия. Ее разрушение неминуемо в промышленных районах, по Саути, может обернуться гибелью всего общества. Ведь именно там сосредоточена основная часть низших классов. Они живут, «испытывая жесточайшие лишения в самом центре богатого и роскошествующего общества... Если они и не полностью недовольны институтами страны, то, несомненно, не питают к ним привязанности»⁵⁷. Саути, как многие современники⁵⁸, видел в городах скопище безбожников и потенциальных бунтовщиков. К его ужасу государственная церковь теряла там свою власть над умами.

Казалось бы, диссентеры, имевшие большое влияние на промышленное население, те же христиане, к тому же протестанты, и у Саути не было оснований волноваться. Но он настаивает на противодействии диссентерам, утверждая, что «принципы нонконформизма в религии, как правило, связаны с политическими беспорядками»⁵⁹.

Саути пытается понять, почему диссентеры и католики берут

верх над англиканством. По его заключению, они умеют привлекать людей. Диссентеры, пишет он, «проявили много земной мудрости в организации и руководстве своими обществами»⁶¹. Созданные ими общества Саути рассматривает как эффективное средство воздействия на умы. У католиков нет подобных средств, зато они занимают людей всевозможными процессиями и празднествами.

Определенную вину за сложившееся положение Саути возлагает на правительство и саму англиканскую церковь. Из-за своей косности, утверждает Саути, церковь пренебрегла духовным наставлением в городах, и диссентеры обратили в свою веру тех, о ком не заботились пастыри-англикане⁶².

Довольно неожиданно для правоверного протестанта Саути обнаруживает еще одного виновника — Реформацию. Безусловно, оговаривается Саути, Реформация была необходима, она вернула церкви ее первоначальную чистоту, но одновременно «уменишила преданность вере и влияние религии не только среди бедных и невежественных, но среди всех классов»⁶³.

Во взглядах Саути на религию просматриваются три особенности. Во-первых, подлинный виновник бедствий церкви — промышленная система. Благодаря ей возникли крупные промышленные города, средоточие вольнодумства и бунтарства. Во-вторых, для Саути спасение церкви — первоочередная задача, равносильная спасению общества от революции. И, наконец, опыт Реформации убеждает его в недопустимости резких перемен, даже во имя спасения. План, который Саути предлагает для восстановления приоритета англиканства, связан с этими его представлениями. Он рассчитывает приобщить к церковной иерархии англиканства часть диссентеров, прежде всего методистов, и привлечь их таким образом на свою сторону⁶⁴. Основные надежды Саути возлагает, однако, на католицизм. Он советует возродить в англиканстве институт святых, дабы они могли служить нравоучительным примером. Кроме того, он ратует за восстановление монастырей, полагая, что их уничтожение было «величайшим злом, которое сопутствовало Реформации»⁶⁵. Ликвидация монастырей, объясняет Саути, нанесла вред трудящимся, «арендаторы лишили своих лучших землевладельцев, ремесленники — лучших работодателей, бедняки и несчастные — своих лучших и преданнейших друзей»⁶⁶. Саути предлагает создать протестантские монастыри, или, как он их называет, приюты. По его мысли, они должны стать не только опорой англиканства, но и центрами благотворительности.

По существу, Саути предлагает воспользоваться наиболее

⁵⁴ Southey R. Op. cit., vol. 2, p. 253.

⁵⁵ Ibid., p. 106.

⁵⁶ Ibid., p. 55.

⁵⁷ Ibid., p. 47.

⁵⁸ Ibid., p. 415.

⁵⁹ Briggs A. Victorian Cities. L., 1968, p. 28.

⁶⁰ Southey R. Op. cit., vol. 2, p. 44.

⁶¹ Ibid., vol. 1, p. 59.

⁶² Ibid., vol. 2, p. 55.

⁶³ Ibid., vol. 1, p. 154.

⁶⁴ Ibid., vol. 2, p. 83.

⁶⁵ Ibid., p. 36.

⁶⁶ Ibid., vol. 1, p. 88.

сильными сторонами опыта соперников англиканства. Католическая обрядность, более зрелищная, нежели англиканская, должна привлекать людей, воздействуя на их чувства. Саути настаивает на перенесении основной деятельности церкви в приходы промышленных городов. А на пишее население необходимо воздействовать не только внешними эффектами, но и материальной помощью. Диссентеры поняли это раньше англикан, и Саути призывает последовать их примеру. Обращение к католицизму, в соединении с идеей церковной благотворительности, придает, на наш взгляд, планам Саути явные черты доктрины «высокой церкви».

Социальный план Саути значительно шире учения «высокой церкви», поскольку он пытается найти пути спасения не только церкви, но и государственных институтов Британии. «Преобладающие мнения этого века,— предостерегает Саути,— ведут к разрушению всего, что до сих пор почиталось святым»⁶⁷. По утверждению Саути, подобной участи не избежала и английская конституция.

«Полвека назад,— пишет он,— британская конституция была предметом восхищения и зависти других наций. Гордостью и подлинной славой народа Британии было то, что он живет при такой конституции, что он одарен более, чем все прочие народы, той формой правления, в которой соединены политическая свобода и легитимная власть»⁶⁸. Но это в прошлом. А ныне Саути страшит, что, подобно тому как атеизм подтачивает религию, «уравнительные принципы демократии» разрушают устои государства, пользуясь все той же свободой прессы»⁶⁹.

Государственный порядок, сложившийся к концу XVIII в., представляется Саути близким к идеалу: лучшая конституция, довольно четкая иерархия социальных слоев. «Рост коммерческого богатства,— утверждает Саути,— успехи просвещения средних слоев сделали столь незаметными различия между отдельными состояниями (rank), что в этом отношении социальный порядок нигде и никогда не был устроен лучшим образом, чем здесь»⁷⁰. У Саути речь идет о равновесии между двумя группами правящих классов — земельной аристократией, играющей ведущую роль в аппарате власти, и промышленной буржуазией. В подобном равновесии Саути видит залог прочности государства. О народе нет ни слова. Саути не допускает и мысли о его участии в политической жизни.

Стабильности государства угрожают принципы демократии, распространяющиеся среди низов общества. Рассуждая об этой опасности, Саути проводит прямую аналогию с временами Реформации. Реформация, по его убеждению, не только ослабила веру, но подала дурной пример покусения на чужую собствен-

ность, уничтожив собственность монастырей. Кроме того, участие в Реформации народных масс открыло дорогу анархии, дав свободу действий Мюнцеру и анабаптистам⁷¹. «Мы видим,— продолжает Саути,— что система захвата имущества возродилась в наши дни как главное следствие Французской революции. Мы также увидели в триумфе демократического фанатизма копию мюнстерской трагедии. Марат, Эбер и Робеспьер — это Яны Лейденские и Книппердолинны демократии. Многие способны распознать религиозное безумие... но немногие подозревают, что в наши дни политическое безумие более обычно и более заразно»⁷². Саути не сомневается, что торжество «уравнительных принципов демократии» приведет к лишению имущих их собственности. К несчастью, считает Саути, промышленная система создала питательную почву для этих принципов, породив «класс людей, сознающий свою многочисленность и силу, разбирающийся во всех тонкостях объединений (combinations), расточительный, когда получает хорошее жалованье, но считающий себя ущемленным, если это жалованье во время какого-нибудь падения спроса понижается настолько, что более не дает средств к обеспеченному существованию, класс, обращающийся против правительства и законов страны все негодование и возмущение теми бедами, которые обрушили на него конкуренция и дух предпринимательства»⁷³.

Угрозу государству усиливают попытки нарушить равновесие между аристократией и буржуазией. Значительный вред, с точки зрения Саути, причинило увеличение числа пэров. «Если это и не уменьшило авторитет палаты лордов, то унизило звание пэра», — замечает он⁷⁴. По убеждению Саути, пэры, зная вообще — это лучшие люди, лучшие слуги государства, образцы воспитания и просвещенности⁷⁵. Т. е. именно те, кого сама природа предназначила управлять страной. Чем же не нравятся Саути новые пэры? «Явно не подобает,— пишет он,— делать знатью (ennoble) людей, у которых нет на это никаких иных оснований, кроме их состояний... Недвижимая собственность, соответствующая званию, должна быть непременно требованием, предъявляемым к наследственному законодателю»⁷⁶. Требуя от пэра владения недвижимостью, т. е. землей, Саути пытается преградить буржуазии вход в палату лордов. По логике Саути, люди, наживающиеся на поте и крови соотечественников, алчные стяжатели (а такими рисует их Саути) не должны стоять у руля власти. Становится очевидным, что критика Саути буржуазии — в действительности не осуждение притеснителей народа, а обвинение политическим противникам земельной аристократии.

⁷¹ Ibid., p. 41.

⁷² Ibid., p. 42.

⁷³ Ibid., p. 415.

⁷⁴ Ibid., p. 210.

⁷⁵ Ibid., p. 229, 236—237.

⁷⁶ Ibid., p. 214.

⁶⁷ Ibid., p. 30—31.

⁶⁸ Ibid., vol. 2, p. 173.

⁶⁹ Ibid., p. 413.

⁷⁰ Ibid., p. 216.

Еще более решительно Саути выступает против парламентской реформы. По его мнению, нижняя палата парламента и без того «похожа скорее на народное собрание, чем на законодательный орган»⁷⁷. В последние годы, замечает Саути, места земледельцев в ней заняли «люди из низших классов, весьма опасного характера, которые прежде никогда и не помышляли о том, чтобы приблизиться к ее дверям»⁷⁸. Эти изменения устрашают Саути, ибо «нет другого такого места, в котором демагог... был бы столь коварным и опасным... Я не знаю, как палата смогла бы заткнуть рот тому, кто стал бы без всякого содрогания вещать о самых революционных замыслах и предлагать самые революционные меры для их осуществления»⁷⁹. Реформа парламента кажется Саути прологом революции. Он не только против реформы, но даже предлагает сократить число членов палаты общин. «Если бы в настоящее время,— доказывает Саути,— палата общин состояла из половины или одной трети своего нынешнего числа, в ней остался бы каждый влиятельный член, все те, кто по характеру, способностям и положению в стране имеет право на это место»⁸⁰. Т. е. и здесь должны преобладать землевладельцы.

Размышляя о современном обществе, Оуэн пришел к выводу о «тройце зол», виновнице бедствий человечества. Он относил к ней религию, брак и частную собственность⁸¹. Саути обнаруживает иную «троицу зол» — атеизм, демократию и фабричную систему, создающую избыточное население. Какое же будущее сулили они стране? В главе «Надежды общества» Саути говорит, что разделяет взгляды Канта на развитие общества. «Историю человеческого общества,— пишет Саути,— можно рассматривать как разгадывание потаенного плана природы, плана достижения совершенной формы гражданского общества, как единственного состояния, при котором все тенденции человеческой природы могут быть полностью развиты»⁸². Т. е. конечная цель человечества — совершенный человек, о котором мечтали в свое время пантисократы.

Размышляя о Канте, Саути немедленно оговаривает: «То, что в его языке называется потаенным планом природы, в моем — явленная воля божья. Воля явна, но план сокрыт»⁸³. Весьма своеобразное рассуждение. С одной стороны, цель общества ясна — совершенствование человека. Но, с другой стороны, пути достижения такого состояния сокрыты. Здесь кроется основное противоречие философской системы Саути.

Он утверждает, что «всякая система общества, в которой нравственные и умственные возможности людей остаются неразвитыми из-за отсутствия воспитания или получают извращенное направление, прямо противоположна... воле божьей»⁸⁴. Следуя этому мнению, фабричная система явно не от бога, и Саути признает это. Но поскольку намерения бога не ясны, продолжает Саути, «пусть человек покорно подчиняется воле божьей, а совершенствование общества будет следствием такого подчинения»⁸⁵.

На первый взгляд может показаться, что Саути рассуждает почти как Оуэн. Оуэн тоже признавал негодность существующего строя, но призывал не разрушать его насильственно, каким бы неразумным он ни был. Саути и Оуэна сближает очевидное неприятие насильственных революций. Возможно, в этом один из секретов симпатии Саути к Оуэну. Однако противоречие между осознанием пагубности существующего строя и призывом к терпению каждый из них решает по-своему.

Для Оуэна нищета и нравственные пороки служат доказательством не только несправедливости господствующего строя, но и необходимости его коренного переустройства. Послушание не означает примирения со старым строем. Оно нужно лишь для того, чтобы насильственная революция не задержала близкую и, с точки зрения Оуэна, более выгодную мирную революцию. У Саути, в противоположность Оуэну, нет и речи об изменении строя, об отмене частной собственности. Саути говорит лишь о некоем спонтанном совершенствовании общества, причем не допускает мысли о грубом вмешательстве человека в этот процесс. Послушание Саути оборачивается примирением с существующим строем, точно так же, как критика фабричной системы обернулась критикой политических противников — вигов. Если Оуэн создавал план перестройки общества, то планы Саути должны были служить подпорками грозящего рухнуть здания.

Предложения Саути направлены на борьбу с его «тройцей зол». О церковной программе Саути мы уже говорили. «Уравнительным принципам демократии» Саути противопоставляет идею сильной власти. Он ратует за жесткое ограничение свободы печати, за обеспечение земельной аристократии главных мест в управлении страной, выступает против парламентской реформы.

Более сложным для Саути был вопрос о фабричной системе и нищете народа. Саути был бы не прочь, чтобы английская промышленность пришла в упадок. «Если наши соседи,— пишет он,— желают вкушать сих бедствий, развивая собственные фабрики, что привело бы к вытеснению наших, это было бы самым прекрасным для Британии»⁸⁶. Пожелание гибели английской промышленности встречается и в работах У. Коббетта, человека противоположных Саути политических убеждений. В «Сельских поездках» Коб-

⁷⁷ Ibid., p. 209.

⁷⁸ Ibid., p. 231.

⁷⁹ Ibid., p. 232.

⁸⁰ Ibid., p. 209.

⁸¹ Оуэн Р. Книга о новом нравственном мире.— Избр. соч. М., 1950, т. 2, с. 21—22.

⁸² Southey R. Op. cit., vol. 2, p. 409.

⁸³ Ibid., p. 412.

⁸⁴ Ibid., p. 411.

⁸⁵ Ibid., p. 412.

⁸⁶ Ibid., vol. 1, p. 190, 191.

оетта мы читаем: «Было бы в миллион раз лучше, если бы деньги попадали в Италию, было бы лучше, если бы они обогащали даже наших соперников и врагов страны, нежели они позволяли бы этим бесчувственным людям, владельцам фабрик, сгонять английский народ толпами в города и превращать его в рабов»⁸⁷.

Сравнение «Сельских поездок» с романом Саути обнаруживает еще ряд примечательных совпадений. Они касаются оценки феодализма как времени, более благоприятного, чем эпоха промышленного переворота⁸⁸. Подобное единодушие торь и радикала не случайно. И земельная знать, и мелкая буржуазия несли урон от машинного производства, разумеется, в разной форме и в разной степени. Видимо, само по себе противопоставление феодализма, как более счастливого времени, капитализму, не может служить свидетельством апологетики феодальных порядков. Но в общем контексте работы Саути оно оборачивается именно призывом вернуться к прошлому.

Отменить машинное производство никому не под силу. Понимая это, Саути в ряде мест говорит не просто о фабричной системе, а о фабричной системе, «ведущейся как сейчас, в широких размерах»⁸⁹. Он даже допускает, что в прошлом веке машинное приносило некоторую пользу. Почему? Потому что их было мало. «Свобода торговли,— заявляет Саути,— как и свобода прессы, нуждается в ограничениях»⁹⁰. Под предлогом борьбы с вредными последствиями конкуренции Саути советует вернуться к цеховой организации промышленности⁹¹.

Приведет ли это к избавлению от нищеты? Саути, вероятно, сильно в этом сомневался. Его проект относительно машинного производства предназначен не столько облегчить жизнь народа, сколько сокрушить могущество буржуазии. Он осуждает не угнетение вообще, а угнетение безрассудное, доводящее низы до бунта. Его волнует не пропасть между богатством и нищетой, а то, что она слишком заметна. Поэтому Саути предлагает не уничтожить эту пропасть, а прикрыть ее, чтобы она не была столь очевидной. Роль такого прикрытия должна была сыграть благотворительность. «Среди высших слоев,— пишет Саути,— повсеместно существует желание улучшить положение бедных»⁹². Действительно, в начале XIX в. филантропическая деятельность в Британии приняла невиданные дотоле размеры. Среди побуждений к благотворительности, несомненно, было и чисто человеческое сопереживание к неимущим. Но все же главную роль играло желание предотвратить взрыв недовольства. Показательно, что большинство филантропов искало такие формы благотворительности, которые не требовали особых затрат.

⁸⁷ Cobbett W. Op. cit., p. 118.

⁸⁸ Ibid., p. 127.

⁸⁹ Southey R. Op. cit., vol. 1, p. 190.

⁹⁰ Ibid., vol. 2, p. 250.

⁹¹ Ibid., p. 250.

⁹² Ibid., p. 416.

Мысль Саути движется в том же направлении. Ему кажется, что Оуэн предложил отличное решение. «Создавая для себя оуэнистские общины, трудящиеся классы увеличат свои удобства и обеспечат свое благосостояние»,— замечает Саути⁹³. Особенно привлекает Саути опыт первого Лондонского кооперативного и экономического общества, созданного группой оуэнистов в 1821 г. Они совместно арендовали жилье, делали закупки, готовили пищу и воспитывали детей. Для Саути особенно ценно то, что у них не было общности имущества. Очевидно, что все похвалы Саути относились к Оуэну-филантропу, а те изменения оуэновского плана, о которых он говорил, сводятся к чистой благотворительности. На протяжении всей истории оуэнизма, да и после того, как это учение отошло в прошлое, многие пытались разделить его идеи на здравые и безумные. Саути был одним из первых подобных толкователей.

Общины кажутся Саути выгодными не только из-за их самокупаемости. Они вписываются в представления Саути об идеальном государстве. Функции такого государства — «отеческие»⁹⁴. Главную роль в нем играет наследственная земельная аристократия, просвещенные средние слои не покушаются на ее приоритет. Государство в своих действиях руководствуется Евангелием и через посредничество англиканской церкви печется о духовном наставлении народа. Нищие сами обеспечивают себя всем необходимым в общинах, но под надзором государства. Саути, по сути дела, хотел повторить в Англии опыт парагвайских иезуитов, только редукции заменялись бы общинами.

Система Саути, безусловно, утопична, но утопия эта, в отличие от оуэновской, ретроградна. Обличения фабричной системы у Саути отдают ностальгией по ушедшим временам. Его мечта — приостановить движение общества, катящегося, по его мнению, к гибели религии, частной собственности и государства. Воззрения Саути представляют собой смесь реакционных политических взглядов с робким, крохоборствующим социальным реформизмом. Отличает взгляды Саути важная роль, отводимая им церкви. Некоторые из воззрений Саути, в частности его взгляды на церковь, разделялись и другими английскими мыслителями начала прошлого века. Еще в 1819 г. Д. Морган предлагал воспользоваться оуэновским планом общины в интересах англиканской церкви. В конце 1820-х годов У. Кинг помогал рабочим создавать общества взаимопомощи, чтобы, как позднее он признавал, иметь возможность влиять на их настроения. Можно предположить, что именно в 1820-е годы в Англии зарождаются течения, которые условно можно объединить под названием «социальное христианство». Видимо, одной из особенностей зарождения этих течений было то, что они возникали как противовес утопическому социализму Оуэна. Разумеется, это предположение нуждается в специальном, тщательном исследовании.

⁹³ Ibid., p. 240.

⁹⁴ Ibid., vol. 1, p. 105.